

БАСНИ Leonardo da Vinci

Br. M. 42 v.

Ручей нанес так много земли и камней себе в ложе, что и сам принужден был покинуть свое русло.

S.K.M. III, 66 v.

Увидала бумага, что вся она покрыта темной чернотой чернил, и стала на это печаловаться; а те доказывают ей, что из-за слов, которые нанесены на ней, ее и сохраняют.

S.K.M. III, 93 v.

Пребывала вода в гордом море, своей стихии; но пришло ей желание подняться на воздух, и, подкрепившись стихией огня, вознеслась она тонким паром и казалась почти такой же тонкости, что и воздух. Но, поднявшись в высоту, очутилась она среди воздуха, еще более тонкого и холодного, где ее и покинул огонь. И вот уже малые ее крупички, теснимые друг к другу, стали соединяться между собой и обретать тяжесть; и при падении обратилась ее гордость в бегство. Так вот и падает она с неба; а затем выпила ее сухая земля, где в заточении на долгие времена отбывает она покаяние в грехе своём.

C.A. 67 r.

Пламя, уже месяц [пребывавшее] в печи у стекольщика, завидев, что приближается к ней свеча в прекрасном и блистающем подсвечнике, с великим усилием потщилося дотянуться до нее. И один из языков его, оставив естественный свой бег, оторвался изнутри от бушующего огня, коим питался, и, пробившись с другой стороны сквозь малую щель, бросился на свечу, бывшую поблизости, и, с величайшей прожорливостью и ненасытством пожирая ее, почти привел и себя к концу. И тогда, желая помочь себе в продлении жизни, напрасно пытался он вернуться в печь, которую он покинул, отчего и принужден был умереть и кончиться вместе со свечой. Так-то, в плаче и раскаянии, обратился он в удушливый чад, оставив всех братьев своих в блистающей и долгой жизни и красе.

C.A. 67 v.

Случилось так, что комочек снега очутился на верхушке скалы, находящейся на крайней высоте высочайшей горы, и, собрав в себе соображение, стал он размышлять и говорить промеж себя так:

- Вот, не надлежит ли считать меня зазнавшимся и гордецом из-за того, что я, малый ком снега, нахожусь на столь высоком месте, и допустимо ли, что такое великое множество снега, какое отсюда видно мне, лежит ниже меня? Поистине, ничтожная моя толика не заслуживает этой высоты, о чем хорошим назиданием, в связи с ничтожеством моего облика, служит мне то, что сделало вчера солнце с моими сверстниками, которые в немного часов были солнцем растоплены. А произошло это потому, что заняли они более высокое место, нежели им приличествовало. Я же хочу спастись от гнева солнца, и принизить себя, и найти место, соответствующее бедной моей значимости.

И вот ринулся он вниз и стал спускаться, катясь с высоких откосов поперх другого

снега; но чем ниже искал он себе места, тем больше росла его величина, в такой степени, что, когда кончил он свой бег, на холме лежала едва ли меньшая масса его, нежели сам холм, который держал его; и был он последним, которого в то лето растопило солнце.

Сказано для тех, кто смиренен: те и вознесены будут.

Br.M. 42 v.

Комок снега, чем больше, катясь, спускался со снежной горы, тем больше рос в своей величине.

C.A. 175 v.

Камень отменной величины, недавно извлеченный из воды, лежал на некоем возвышенном месте, где кончалась приятная рощица, над вымощенной мостовой, в обществе растений разных цветов, изукрашенных разнообразной расцветкой. И видел он великое множество камней, которые были собраны на лежавшей под ним мостовой. И вот пришло ему желание упасть отсюда вниз, ибо говорил он себе так:

- Что делать мне здесь с этими растеньями? Хочу жить вместе с теми моими братьями.

И, низринувшись вниз, окончил он среди желанного общества легкомысленный свой бег. Когда же полежал он так недолго, взяли его в неустанную работу колеса повозок, подкованные железом ноги лошадей и путников: тот его перевернет, этот топчет, порой поднимется он на малую высоту, иногда покроет его грязь или кал каких-нибудь животных, - и тщетно взирает он на то место, откуда ушел, на место уединенного и спокойного мира.

Так случается с теми, которые от жизни уединенной, созерцательной желают уйти жить в город, среди людей, полных нескончаемых бед.

C.A. 175 v.

Бритва, выйдя однажды из рукояти, которую она превратила себе в ножны, и раскинувшись на солнце, увидела, что солнце отражается в ее теле; от таковой вещи возвела она себя в величайшую славу и, обратившись мыслями назад, принялась так рассуждать с собою:

- Неужели же возвращусь я опять в ту лавку, откуда лишь недавно я ушла?

Разумеется нет! Не угодно богам, чтобы столь блистающая красота спустилась до такой изменности духа. Какое было бы безумство, ежели бы я была обречена брить намыленные бороды простаков крестьян и производить механическую работу! Это ли тело употреблять для подобных упражнений? Разумеется нет! Схоронюсь-ка я в каком-нибудь потайном месте и стану в спокойном отдохновении проводить жизнь.

И вот, спрятавшись так на несколько месяцев, вернулась она однажды на свет Божий и, выйдя из ножен, увидела, что уподобилась заржавленной пиле и что гладь ее уже не отражала блистающего солнца. В напрасном раскаянии тщетно оплакивала она непоправимую беду, так говоря себе:

- Увы! Насколько лучше было у брадобрея пускать в ход мое утраченное лезвие такой отменной тонкости! Где она, сверкающая гладь? Истинно, противная и грубая ржавчина пожрала ее!

То же случается с теми умами, которые, прекратив упражнение, предаются безделью; таковые, наподобие вышесказанной бритвы, утрачивают режущую свою тонкость, и

ржавчина невежества разъедает их облик.

Ash. I, 14 r.

Лилия расположилась на берегу Тичино, а течение унесло и берег, и лилию.

C.A. 16 r.

В орешник, выставивший поперех улицы перед прохожим богатство своих плодов, каждый человек бросал камни.

C.A. 76 r.

На фиговое дерево, стоящее без плодов, никто не глядел; когда же оно захотело, произведя означенные плоды, получить похвалу от людей, то было ими согнуто и сломлено.

R. 1276.

Растение жалуется на сухую и старую палку, ко-торая торчит у него сбоку, и на сухие палки, обступившие его кругом. Но та держит его прямо, а эти охраняют от дурного соседства.

C.A. 67 v.

Кедр, возгордившийся своей красотой, не доверяет деревьям, его окружающим, и велит их снести. Тогда ветер, не встречая больше препятствий, вырывает его с корнем и бросает оземь.

C.A. 67 v.

Дикая лоза, недовольная своим местом за изгородью, стала перекидывать ветви через общую дорогу и цепляться за противоположную изгородь. Тогда прохожие ее сломали.

Br.M. 42 v.

Лоза, состарившаяся над старым шестом, рухнула вместе с падением этого шеста и была в горестном единении выброшена вместе с ним.

Br.M. 42 v.

Ива, которая благодаря длинным своим ветвям пожелала превзойти порослью любое другое дерево, была за то, что свела дружбу с лозой, которую ежегодно подрезают, также и сама постоянно изувечиваема.

C.A. 67 v.

Кедр пожелал вырастить прекрасный и большой плод на самой своей верхушке и всеми силами соков своих осуществил это. Но когда тот вырос, то стал причиной того, что начала гнуться высокая и прямая макушка.

C.A. 76 r.

Персиковое дерево, позавидовав большому числу плодов, которые производил орешник, сосед его, и порешив сделать то же, так обвешало себя плодами, что

сказанные плоды вырвали его с корнем и кинули сломанным наземь.

Стояло фиговое дерево в соседстве с вязом и, видя, что на ветвях у него нет плодов, и горя желанием заполучить солнце для кислых своих фиг, с попреком сказало ему:

- О вяз, неужели же тебе не стыдно заслонять меня? Но погоди! Пусть дети мои достигнут зрелости, тогда увидишь, где ты окажешься!

Когда эти дети созрели, то проходивший отряд солдат, дабы оборвать фиги, всего его изодрал, и обезветвил, и сломал. И когда так стояло оно, лишенное членов своих, задал ему вяз вопрос, говоря:

- О фиговое древо, не много ли лучше было стоять без детей, нежели из-за них прийти в такое злосчастное состояние?

С.А. 67 г.

Лавр и мирт, увидя, что срубают грушу, вскричали громким голосом:

- О груша! Куда повлекут тебя? Где гордость, которая была у тебя, когда на тебе были зрелые твои плоды? Отныне уже не будешь ты бросать сюда тень густыми своими волосами!

Тогда груша ответила:

- Меня возьмет с собой крестьянин, который рубит меня, и понесет он меня в мастерскую лучшего ваятеля, который при помощи своего искусства придаст мне форму бога Юпитера, и буду я посвящена храму, и все станут вместо Юпитера поклоняться мне. Ты же будь готов к тому, что часто будешь оставаться покалеченным и лишенным ветвей, которыми люди, дабы выказать мне почитание, станут окружать меня.

Br.M. 42 v.

Невод, который привык ловить рыбу, был схвачен и унесен яростью рыб.

С.А. 257 v.

Тщеславный и непостоянный мотылек, не довольствуясь тем, что мог удобно летать по воздуху, плененный прелестным пламенем свечи, порешил влететь в нее; но веселое его движение стало причиной скорого горя. Когда в названном пламени сгорели нежные крыльца и злосчастный мотылек упал, весь обгорев, к подножию подсвечника, то после многих стенаний и раскаяний отер он слезы с выплаканных глаз и, подняв лицо вверх, молвил:

- О лживый свет! Скольких, как и меня, удалось тебе в минувшие времена бесчестно обмануть! Ах, если уж возжелал я узреть свет, то не надлежало ли мне отличить солнце от лживого пламени грязного сала?

С.А. 67 г.

Каштан, увидев под фиговым деревом человека, который пригибал к себе его ветви и, срывая зрелые плоды, клал их в открытый рот, разжевывая и разламывая крепкими зубами, промолвил, сотрясая длинными ветвями и шумно шурша:

- О фиговое дерево! Насколько меньше моего обязано ты природе! Посмотри, как сомкнуто расположила она во мне милых моих сыновей, одев их снизу нежной сорочкой, а поверх нее поместив твердую и подбитую скорлупу; и, не довольствуясь тем, что так облагодетельствовала меня, она соорудила им крепкое обиталище, а на нем расположила колючие и густые шипы, дабы руки человечьи не могли повредить мне.

Тогда фиговое дерево стало, вместе со своими сыновьями, смеяться, а кончив смех, молвило:

- Знай же, у человека сноровка такова, что он может жердями, и камнями, и сучьями, промеж твоих ветвей, тебя пригнуть и лишить плодов, а когда те упадут, истоптать их ногами и камнями, так что плоды твои выйдут, изорванные и покалеченные, наружу из вооруженного жилища; меня же со всей осторожностью трогают руками, а не так, как тебя, - палками и камнями.

С.А. 67 r.

Кизиловое дерево, у которого нежные ветви, отягченные свежими плодами, были исколоты острыми когтями и клювом назойливого дрозда, стало гордиться, жалостно печалюясь перед этим самым дроздом, моля его, чтобы ежели уж он отнимает у него прекрасные плоды, то пусть, по крайней мере, не лишает его листьев, которые служат ему защитой от палящих лучей солнца, и не обдирает острыми когтями нежную его кожу. На это дрозд с деревенскою бранью отвечивал:

- Еще бы! Помалкивай, дикий сухостой! Иль тебе неведомо, что природа заставляет тебя производить плоды ради моего пропитания? Не видишь, что ли, что ты и на свете-то существуешь для того, чтобы служить мне таковою пищею? Не знаешь ты, деревенщина, что ближайшей зимой ты станешь пищею и кормежкой огню?

Слова эти дерево выслушало терпеливо, хотя и не без плача, как вдруг, спустя немного времени, дрозд был пойман в силки, и стали собирать ветки, дабы соорудить клетку и запереть в нее того дрозда. И вот попался среди прочих прутьев и нежный кизил, приготовленный для плетения клетки; и этот кизил, видя, что быть ему причиной утраты дроздом свободы, возрадовался и промолвил следующие слова:

- О дрозд! Меня-то еще не пожрал огонь, как говорил ты, а вот тебя я увижу в темнице прежде, нежели ты меня в огне.

С.А. 67 r.

Случилось, что орех был унесен грачом на высокую колокольню; однако щель, куда он упал, спасла его от смертельного клюва. Тогда стал он просить стену, благодати ради, какую дал ей Господь, даровав ей такую вознесенность, и величие, и богатство столь прекрасных колоколов и столь чтимого звона, чтобы помогла она ему, - затем что раз уж не довелось ему упасть под зеленые ветви старого своего родителя и укрыться в жирной земле, под опадающими листьями, то и не хочет он с нею расставаться; дело-де в том, что, пребывая в диком клюве дикого грача, дал он обет, что в случае ежели избавится он от него, то станет он кончать жизнь свою в малой дыре.

Из-за таких слов стена, движимая состраданием, была вынуждена оставить его там, куда он упал. Но немного времени спустя стал орех раскрываться, и за-пускать корни промеж скреп камней, и расширять их, и высовывать наружу из своего вместилища побеги; а вскорости, когда поврежденные корни поднялись над зданием и окрепли, стал он расковыривать стену и сбрасывать древние камни с их исконных мест. Тогда-то поздно и тщетно стала оплакивать стена причину изъяна своего, а вскоре, раскрывшись, обронила и большую долю своих частей.

С.А. 67 r.

Злосчастливая ива пришла к выводу, что не суждено ей радости видеть, как нежные

ветви ее поднимутся до желанной высоты и вознесутся к небу, потому что из-за виноградных лоз и неких других деревьев, бывших по соседству, ее постоянно калечат, лишают ветвей и портят. И вот собрала она все свои способности и с помощью их открыла и распахнула дверь соображению. И пребывая в постоянном размышлении, и испытывая им растительный мир, дабы узнать, с кем бы ей соединиться, кто не нуждался бы в использовании ее прутьев, и пребывая некоторое время в таком пустячном соображении; пришла ей во внезапном наитии мысль о тыкке. И с большой радостью встряхнула, она всеми ветвями, ибо померещилось ей, что она нашла себе общество по вкусу и по желанию, затем что тыква не более приготовлена вязать других, нежели самой быть связанной. И, приняв такое решение, подняла она свои ветви к небу, внимательно выжидая какую-нибудь дружественную птицу, которая взялась бы стать вестником этого ее желания.

И вот, увидев в числе их поблизости сороку, обратилась она к ней так:

- О милая птаха, прошу тебя ради той помощи, которую в эти дни, утром, нашла ты в моей листве, когда голодный сокол, жестокий и хищный, хотел пожрать тебя, и ради тех утех, которыми между названными моими ветвями, наслаждаясь любовью с подругами твоими, ты пользовалась когда-то, прошу тебя, отыщи тыкву, и попроси у нее несколько семян, и скажи им, что когда они подрастут, то не иначе буду я обходиться с ними, как если бы собственным своим телом родила я их; и подобным же образом используй все те слова, какие могут быть убедительными для такой цели, тем более что тебя, мастера красноречия, не нужно и учить этому. И ежели ты это сделаешь, я буду рада принять твое гнездо в лоно ветвей моих вместе с твоею семьей без уплаты какой-либо аренды.

Тогда сорока, установив и заключив заново с ивой несколько условий, особливо о том, чтобы та никогда не принимала к себе гадюк или куниц, подняв хвост, и опустив голову, и бросившись с ветки, отдалась тяжести своих крыльев. И, ударяя ими по подвижному воздуху то сюда, то туда, забавно направляя руль хвоста, долетела она до одной тыквы и, при помощи красивого поклона и нескольких добрых слов, получила просимые семена. И, принеся их иве, была принята с веселым видом, и, взрыхлив немного ногами землю рядом с ивой, посадила она вокруг нее эти семена. А они, выросши в короткое время, принялись, разрастаясь и распуская свои побеги, охватывать все ветви ивы и большими своими листьями отбирать у нее красоту солнца и небес. И вдобавок к такому злосчастью от роста тыкв стали те тяжестью веса клонить верхушки нежных ветвей к земле с особенным мучительством и безобразия их. Тогда, сотрясаясь и тщетно покачиваясь, чтобы заставить упасть с себя те тыквы, и потратив впустую несколько дней на подобное самообольщение, ибо добротное и крепкое сплетение противостояло этим замыслам, - видя проходящий ветер, препоручила она себя ему, и тот подул сильно. Тогда раскололся старый и пустой ствол ивы на две части, вплоть до самых корней; и, распавшись на две части, напрасно оплакала она себя саму и познала, что порождена она была на то, чтобы никогда не быть счастливой.

С.А. 67 v.

Пожелал орел насмеяться над совой, да сам попал крыльями в птичий клей и был человеком схвачен и умерщвлен.

С. А. 67 v.

Паук пожелал поймать муху предательской своей сетью, да сам был на ней осой с

жестокостью умерщвлен.

Br.M 42 v.

Краб притаился под скалой, чтобы изловить рыб, которые под нее входили, но подошел прилив со стремительным низвержением камней, и их падением был искрошен этот самый краб.

C.A. 67 v.

Заснул осел на льду глубокого озера, а теплота его растопила лед, и осел на горе свое проснулся под водой и тотчас потонул.

C.A. 67 v.

Муравей нашел зерно проса, а зерно, почувствовав, что тот взял его, закричало:
- Если окажешь ты мне такое снисхождение, что дашь исполниться моему желанию появиться на свет, то возвращу я тебе себя сам-сто.
Так и было.

Ash. II, 51 v.

Была устрица вместе с другими рыбами выгружена в доме рыбака близ моря. Просит она крысу, чтобы та отнесла ее к морю. А крыса, почувствовав желание съесть ее, побуждает ее раскрыться. Когда же та укусила ее, стискивает она той голову и закрывается. Приходит кошка и умерщвляет ту.

C.A. 76 v.

Сокол не мог стерпеть прятаний утки, ускользнувшей от него, ныряя под воду, и захотел, подобно той, преследовать ее и под водой; но, намочив перья, остался он в этой воде, а утка, поднявшись на воздух, посмеялась над соколом, который утонул.

C.A. 67 v.

Устрица: она во время полнолуния раскрывается вся, и когда краб видит ее, то бросает ей внутрь какой-нибудь камешек или стебель, и она уже не может закрыться, отчего и делается пищей для того самого краба. Так бывает с тем, кто открывает рот, чтобы высказать свою тайну, которая и становится добычей нескольких подслушивателей.

C.A. 117 r.

Дрозды сильно обрадовались, видя, что человек поймал сову и лишил ее свободы, привязав ее за ноги крепкими узами. Но эта сова стала потом, при посредстве птичьего клея, причиной того, что дрозды не только потеряли свободу, но и самую свою жизнь.

Сказано для тех стран, которые радуются, что властители их потеряли свободу, а из-за этого и сами они теряют потом помощь и остаются связанными во власти своих врагов, лишаясь свободы, а зачастую и жизни.

C.A. 67 r.

обезьяна гнездо с малыми птахами, вся в радости приблизилась к ним, но они уже умели летать, и она смогла поймать только меньшую. Исполненная весельем, держа ту в

руке, пошла она к своему убежищу, и, принявшись разглядывать этого птенца, стала его целовать, и от врожденной любви столько его целовала, и вертела, и жала, что лишила его жизни.

Сказано для тех, кто из-за того, что не наказывают детей, не имеют в них удачи.

С.А. 119 г.

Спала собака на бараньей шкуре, а одна из ее блох, почуяв запах жирной шерсти, решила, что там должно быть место для лучшей жизни и больше безопасности от собачьих зубов и когтей, нежели если продолжать питаться от собаки. И, недолго думая, покинула она собаку. И, войдя внутрь густой шерсти, она принялась с величайшим усилием протискиваться к корням волос. Но эта попытка, после великого пота, оказалась тщетной, затем что означенные волосы были так густы, что почти прикасались друг к другу, и не было там промежутка, где блоха могла бы отведать той шкуры. И вот после долгой работы и усталости пришло ей желание вернуться назад к своей собаке, которая, однако, уже ушла, и оказалась она обреченной после долгого раскаяния и горьких плачей умереть с голоду.

С.А. 67v.

Была осаждена мышь в малом своем обиталище лаской, которая с постоянной настороженностью выжидала ее смерти, а та сквозь малую щель глядела на великую свою опасность. Между тем подошла кошка, и вмиг сцапала ласку, и тут же ее сожрала. Тогда мышь, принеся в жертву Юпитеру несколько своих орешков, усерднейше возблагодарила свое божество. Но, выйдя наружу из норы, дабы обрести уже потерянную было свободу, была она вмиг вместе с жизнью лишена ее дикими когтями и зубами кошки.

Br.M. 42 v.

Паук, живший между виноградниками, ловил мошкарку, которая на таких виноградниках кормится. Пришло время сбора, и были раздавлены и паук, и виноградины.

С.А. 67 v.

Нашел паук виноградную гроздь, которую из-за сладости ее весьма посещали пчелы и разного сорта мошкара, и показалось ему, что нашел он место, весьма удачное для своих злодейств. И, спустившись сюда на тонкой нити и войдя в новое жилище, стал он каждодневно, расположившись в щелях, образуемых промежутками между ягод грозди, нападать, как разбойник, на несчастную тварь, которая не берегла себя от него. Но прошло несколько дней, и во время сбора была сорвана гроздь, и положена рядом с остальными, и была вместе с ними раздавлена. Таким-то образом виноград стал силком и гибелью и для губителя паука, и для погубленной мошкары.

С.А. 67 v.

Басня о языке, кусаемом зубами.

Крестьянин, видя пользу, которая проистекает от виноградной лозы, дал ей много подпорок, чтобы поддержать ее в вышине; когда же собрал плоды, то отнял палки и предоставил ей падать, разведя огонь из ее подпорок.

С.А. 67 r.

Вино, божественный сок лозы, пребывая в золотой и богатой чарке на столе у Магомета и чувствуя себя вознесенным в славе от столь великой чести, вдруг было охвачено противоположным размышлением и сказало себе: «Что делаю я? Чему я радуюсь? Разве я не замечаю, что нахожусь близко к смерти, и покину золотое жилище чарки, и перейду в отвратительные и зловонные недра тела человеческого, и там превращусь из благоуханного и сладкого сока в отвратительную и жалкую мочу? А сверх такого злосчастия буду я еще вынуждено долгий срок пребывать в отвратительном убежище вместе с другим зловонным и сгнившим веществом, вышедшим из человеческих внутренностей? Оно вознесло крик к небу, требуя отмщения за такую поруху, а также того, чтобы отныне был положен конец такому посрамлению и чтобы после того, как эта страна произведет лозы прекраснее и лучше, чем весь остальной свет, не были они, по крайней мере, превращены в вино. Тогда Юпитер сделал так, что вино, выпитое Магометом, подняло душу его к мозгу, что и сделало его сумасшедшим и породило столько заблуждений, что он, придя в себя, поставил законом, чтобы ни один азиат не пил вина. И с той поры были оставлены в покое виноградные лозы со своими плодами.

(На полях)

Уже вино, войдя в желудок, стало кипеть и пучиться; уже душа его стала покидать тело; уже око обращается к небу, находит мозг, обвиняет его в раздвоении тела; уже начинает его грязнить и приводить в буйство, наподобие сумасшедшего; уже совершает непоправимые ошибки, умерщвляя своих друзей...

R. 1281.

Было вино поглощено пьяницей - и это вино отомстило пропойце.

С.А. 116 v.

Малый огонек, сохранившийся на угольке, среди теплого пепла, питался тягостно и скудно малым соком, который еще оставался в нем. Когда появилась управительница кухни, дабы использовать его для обычных кухонных дел, то положила она в плиту дров и серной спичкой воскресила в нем, почти потухшем, небольшое пламя, показавшееся среди сложенных поленьев, поставила на него котел и без дальних размышлений спокойно ушла.

Тогда огонь, радуясь лежащим поверх него поленьям, начал подниматься ввысь, гоня прочь воздух из щелей этих самых дров, среди которых он стал, шутя и веселясь, извиваться. И вот принялся он выглядывать наружу из поленьев, в которых проделал для себя приятные оконца, и, выпустив на волю поблескивавшие и искристые язычки, вдруг разогнал черную тьму запертой кухни, и его выросшее пламя стало весело играть с воздухом, окружающим его, и, со сладким рокотом запев, образовало нежный звон.

Огонь, радуясь сухим дровам, которые он нашел в плите, и приблизившись к ним, начал с ними заигрывать, охватывая их своими малыми пламенцами, и то тут, то там пробивался сквозь щели, которые он нашел между поленьев. И, бегая промеж них в праздничном, радостном беге, начал он виться ввысь и появился в прощелинах верхних поленьев, проделав в них себе приятные оконца то тут, то там.

Когда увидел он, что уже сильно поднялся над дровами и достаточно разросся, он принялся раздувать свой неясный и спокойный дух в надутое и невыносимое чванство, словно бы убедив себя в том, что он может стянуть весь верхний элемент (огня) на

малую толику дров.

И, начав пыхтеть и наполнив треском и сверканием искр всю печь кругом, стало подниматься растущее пламя, соединившись воедино, в воздух... когда верхушки пламени ударились в дно котла наверху...

S.K.M. III, 48 r.

Зеркало очень чванилось, ибо в нем, сзади, отражалась царица; когда же та ушла, то осталось зеркало в...

Леонардо да Винчи